

чивала и игнорировала труды Бичурина. Совершенно очевидно, что вопрос следовало поставить иначе. Надо было показать, как, порожа этого выдающегося синолога за его передовые гуманистические взгляды, буржуазные ученые широко использовали и переписывали его работы. Жаль, что все это не нашло себе места в статье проф. Бернштама.

Вторая из вступительных статей, написанная Н. В. Кюнером, «Работа Бичурина над китайскими источниками для „Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена“» (стр. LVI—LXXXVI) ярко характеризует ту гигантскую работу, которая была осуществлена Бичуриным при создании книги. Проф. Кюнер, так же как Бичурин, считает, что китайская история «...содержит наиболее полные фактические материалы об указанных народах», что она является «...важнейшим источником сведений», что «... ни у нас, ни за границей не появилось труда, равного по объему и качеству перевода...» и т. д. (стр. LVI). Проф. Кюнер в своей статье отмечает высокое качество работы над переводом, в котором Бичурин не стремился к буквальной точности, а, схватывая смысл оригинала, выражал его в доступной для русского читателя форме. Чтобы отвести упреки зарубежных врагов Бичурина и старой русской синологии в том, что переводчик сокращал, пересказывал текст или делал в нем пропуски, автор статьи провел весьма сложную и ценную работу. Он сверил текст книги с подлинниками. Эта проверка показала высокие достоинства работы Бичурина. Приводя примеры неточностей или спорных мест перевода, проф. Кюнер пишет: «Настоящая проверка показала, как и можно было ожидать, точность и правильность перевода Бичурина» (стр. LXIII). Чтобы помочь нашим исследователям, работающим над той же тематикой, проф. Кюнер приводит список трудов китайских авторов с краткими аннотациями, касающимися освещаемых Бичуриным вопросов.

Следует отметить большой и ценный труд, проведенный коллективом сотрудников при подготовке книг к переизданию, а также и то, что, к сожалению, это только начало, и дальше будут собраны и изданы рукописи Бичурина и переизданы его книги и многочисленные статьи. Выход в свет труда Бичурина — еще одно свидетельство многолетней дружбы русского и китайского народов.

*Л. В. Симоновская*

**М. АЛЕКСИШВИЛИ**, *Афинская рабовладельческая демократия* (на грузинском языке). Издательство Тбилисского университета имени И. В. Сталина, 1948, 174 стр.

Автор рецензируемой книги М. Алексивили — один из учеников проф. В. С. Сергеева. Его перу принадлежат книги «Афинская рабовладельческая демократия» и «Александр Македонский», а также ряд статей по древней истории. Под его редакцией изданы грузинские переводы учебников В. В. Струве и В. С. Сергеева. Монография «Афинская рабовладельческая демократия» выросла из кандидатской диссертации автора, которая в свое время заслужила высокую оценку как грузинских специалистов, так и В. С. Сергеева. Последний писал в своей рецензии: «В историчности анализа я считаю главную заслугу работы Алексивили в нашей советской историографии по античному миру»<sup>1</sup>.

Проблема демократии, как одной из форм государственного управления, с момента ее возникновения и поныне имеет актуальное политическое и теоретическое значение. «Почти на протяжении двух с половиной тысячелетий,— пишет М. Алексивили,— вопрос о понимании и оценке демократии остается все еще неразрешенным вопросом в социологической науке» (стр. 3).

Это объясняется не сложностью вопроса, а тем, что вопрос о демократии «...исторически лежит в сфере классовых взаимоотношений и борьбы и является вопросом практического управления государством и его строя» (стр. 3). «В этом обстоятельстве кроется причина актуальности вопроса о демократии и невозможность исключения его из сферы социологической науки» (стр. 4).

<sup>1</sup> Оригинал рецензии проф. Сергеева хранится в архиве Тбилисского университета.

В связи с общим вопросом о понимании существа демократии вообще еще большее значение приобретает изучение афинской рабовладельческой демократии. Решению этой проблемы и посвящена монография М. Алексншвили.

Книга состоит из «Введения» и следующих шестнадцати глав: «Вопрос об афинской демократии в древнегреческой историографии» (стр. 14—24); «Аристотель» (стр. 24—33); «Перикл» (стр. 33—38); «Вопрос об афинской демократии в буржуазной историографии XIX и XX вв.» (стр. 38—52); «Краткий обзор развития афинской демократии до реформ Ареспага» (стр. 52—67); «Реформы Ареспага и упразднение тимократической конституции Солона» (стр. 67—70); «Внешняя политика Афин. Отношения с „союзниками“» (стр. 70—82); «Речь Перикла об афинской демократии» (стр. 82—86); «Народное собрание» (стр. 86—98); «Суд присяжных заседателей (геллея)» (стр. 98—107); «Совет пятисот (буле)» (стр. 107—110); «Управление дема» (стр. 110—113); «Магистратура и система управления афинской демократии» (стр. 113—126); «Отношение афинской демократии к рабам и метекам, атимия» (стр. 126—148); «Обострение классовой борьбы в период Пелопоннесской войны» (стр. 148—165); «Афинская демократия и развитие культуры» (стр. 165—174).

Как показывает содержание книги, М. Алексншвили уделил много внимания рассмотрению античной и современной историографии. Автор отмечает, что в понимании и оценке афинской демократии существовали, в конечном счете, два основных направления. Первое направление «...преувеличенно восхваляет афинскую демократию и идеализирует ее». Второе направление «...поносит ее, считая ее самой негодной формой государственного управления» (стр. 8). Наиболее яркими представителями первого направления являются: в древности Перикл, а из буржуазных историков — Грот, Пёльман и др. Типичными представителями второго направления были: в древности — Псевдо-Ксенофонт и Платон, а из буржуазных историков — Нибур, М. Дункер и другие. И одно и другое направление не давало правильной трактовки афинской демократии.

Величайший перелом в истории, произведенный победой Великой Октябрьской социалистической революции и утверждением новой, высшей формы — советской демократии, подобной которой не знала многовековая история человечества, подчеркивает М. Алексншвили, делает вопрос о демократии еще более актуальным и способствует правильному пониманию и оценке афинской рабовладельческой демократии. Автор ссылается на известное положение Маркса о том, что..., «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны... Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной...»<sup>1</sup>. Основываясь на этой методологической предпосылке, М. Алексншвили указывает, что советская демократия, как наивысшая форма демократии, дает ключ к правильному пониманию античной демократии, как низшей формы демократии (стр. 13).

В первой главе подробно рассматриваются высказывания древних авторов об афинской демократии. Здесь показано, что большинство греческих философов, историков и писателей, защищая интересы олигархии, отрицательно относились к демократии. Крайними противниками демократии были Сократ и Платон. Последний настолько увлекся своими ложными воззрениями, что пришел к следующему выводу: «...демократия является настолько негодной формой государственного управления, что она портит и уродует не только людей, но даже и животных» (см. стр. 15). Именно антинародностью учения Платона автор объясняет тот факт, что немецкие фашистские историки считали его «истинным основоположником национал-социалистического учения о государстве». Авторронически замечает: «За проповедь этой антидемократической концепции история наказала этого крупного античного философа тем, что... фашистские теоретики „получили повод“ искать с ним „родства“» (стр. 18).

Далее автор рассматривает взгляды Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Плутарха и многих других античных писателей на афинскую демократию. Как было уже указано выше, М. Алексншвили особенно обстоятельно анализирует взгляды Аристотеля: критике отношения Аристотеля к афинской демократии посвящена целая глава книги.

<sup>1</sup> К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 219.



В следующей, третьей, главе рассматривается политическая биография одного из виднейших представителей античной демократии — Перикла. Деятельность Перикла излагается автором на широком фоне социально-политической истории того времени. М. Алексисвили, опираясь на авторитетное мнение Плутарха, доказывает, что господство Перикла началось не с 445 г., а значительно раньше, — со времени реформы Ареопага в 462 до н. э. и что, таким образом, оно продолжалось не 15 лет, а целых 32 года. Несмотря на то, что с 462 по 445 г. до н. э. Перикл формально не занимал никакого официального поста, он уже в то время фактически был руководителем афинского государства. «С этой точки зрения, — пишет автор, — исторически будет более оправдано, если эпоху Перикла мы будем датировать с 462 г. (от реформы Ареопага)» (стр. 36).

Автор показывает, что большинство представителей греческой историографии отрицательно оценивало деятельность Перикла, так как принадлежало к лагерю противников демократии.

В четвертой главе ярко показана несостоятельность взглядов буржуазных историков на афинскую демократию. Особенно ценно то обстоятельство, что М. Алексисвили не ограничивается изложением взглядов отдельных историков, но объясняет их, исходя из анализа состояния и развития общественно-политической жизни соответствующих периодов. Так, автор иллюстрирует конкретным историческим материалом положение Энгельса о том, что «XVIII век был возрождением античного духа в противовес христианскому; материализм и республика — философия и политика древнего мира, — возникли вновь...»<sup>1</sup>.

Молодая буржуазия выступала от имени народа и справедливости за демократию. В начале XIX в. буржуазная наука занялась восхвалением афинской демократии (Бек, Грот и др.), так как в те годы буржуазия пыталась еще выступать от имени всего народа и провозглашала лозунги равенства и демократии. В частности, Гроту превозношение демократии нужно было и для оправдания колониальной политики Англии; именно поэтому утверждал он, что положение афинских «союзников» не было трудным (стр. 74). Вообще в первой половине XIX в. буржуазная историография (за исключением нескольких историков, в частности и Нибура) активно выступала в защиту афинской демократии и ее политических учреждений.

Во второй половине XIX в., когда в ряде стран Западной Европы буржуазия уже утвердила свое господство, она больше не нуждалась в восхвалении античной демократии. В эти годы в западноевропейской историографии усиливается направление, которое отрицательно относится к афинской демократии или характеризует Перикла как монарха и этим самым сводит на-нет афинскую демократию. Типичными представителями буржуазной историографии этого периода являются Шварц и М. Дункер; последний считает, что афинская демократия не заслуживает того места во всемирной истории, которое ошибочно представляли ей в течение столетий (стр. 41), и объявляет деятельность Перикла единственной причиной Пелопоннесской войны и падения Афин.

Заслугой автора является рассмотрение взглядов ряда представителей русской историографии античности. Вопрос об афинской демократии и деятельности Перикла привлекал неоднократно внимание русских историков. В 1850 г. М. С. Куторга в журнале «Современник» поместил специальную статью о Перикле, в которой дает положительную оценку деятельности Перикла, замечая, однако, что Перикл не появился бы без Фемистокла (стр. 41).

Известный византинолог В. Г. Васильевский резко отрицательно характеризует афинскую демократию. В 1867 г. он писал: «Афинская демократия представлялась нам как простое фактическое преобладание толпы, которая, благодаря своей (относи-

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 349.

тельной) многочисленности, овладела при помощи демагогов правлением государства, самоуправлением, господствовала на вече и в судах...»<sup>1</sup>.

В 1877 г. профессор П. И. Люперсольский издал «Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла». Люперсольский правильно подчеркивает, что «эпоха Перикла была временем высшего процветания эллинского мира»<sup>2</sup>. Профессор Киевского университета П. И. Аландский положительно оценивал Перикла и афинскую демократию. Все же М. Алексивили считает ошибочным утверждение Аландского о том, что основой афинской демократии являлось отсутствие экономической поляризации общества. «Слишком бедных в Афинах не было, но и чрезмерно богатых не было также»<sup>3</sup>.

Характеризуя взгляды В. В. Латышева, М. Алексивили возражает против его оценки Перикла, как почти монарха, так как это логически приводит к отрицанию демократического управления в Афинах в период наивысшего расцвета этой демократии. «Перикл, — писал В. В. Латышев, — управлял народом по своей воле, подобно монарху, так что народное правление было только кажущимся»<sup>4</sup>.

Автор отмечает, что среди русских историков особенно подробно писал об афинской демократии В. П. Бузескул; однако его работы не претендуют на оригинальность в понимании афинской демократии и в оценке деятельности Перикла. По мнению Бузескула, в древней Греции существовал капитализм; он стоял на позициях реакционной теории циклизма, и это помешало ему правильно понять характер афинской рабовладельческой демократии (стр. 47).

М. Алексивили рассматривает и критикует модернизаторские взгляды типичных представителей буржуазной историографии второй половины XIX в. Пельмана, Белоха и Эд. Мейера. Им опровергается положение Белоха о монархическом правлении Перикла. Взгляды Пельмана оцениваются как эклектические. В заключительной части этой главы автор подробно анализирует концепцию Глотца, который считал, что Пелопоннесская война была вызвана «...столкновением двух империализмов» (стр. 48).

В пятой главе — «Краткий обзор афинской демократии до реформы Ареопага (462 г.)» — дается обзор развития греческой рабовладельческой демократии, начиная со времени разложения первобытно-общинного строя. После подробного анализа и оценки реформ Солона и Клисфена М. Алексивили отмечает некоторый застой в развитии афинской демократии, связанный с последствиями битвы при Саламине. Причиной этого было новое усиление власти Ареопага. Как известно, усиление власти Ареопага Аристотель объясняет тем, что во время Саламинских событий стратеги растерялись и Ареопаг взял на себя руководство и сыграл большую роль в деле доведения Саламинского сражения до победы, что и привело в последующем к усилению авторитета Ареопага (стр. 60). М. Алексивили указывает, что действительная причина усиления Ареопага и задержка в развитии демократии состоит в том, что афиняне после Саламинского боя вели в основном морскую войну против персов. Несмотря на победу, они понесли большие потери в живой силе, главным образом во флоте, в котором числилась самая демократическая часть афинского демоса (стр. 60). Кроме того, появление персидского флота в Эгейском море заставило снять афинский флот с Пирея и перебросить его против персов. Все это ослабило социальную опору афинской демократии и создало условия для политической активизации имущих прослоек деревни (стр. 60). Но господство Ареопага и консервативных элементов продолжалось недолго. Реформа Эфяльта и Перикла свергла господство Ареопага.

Шестая глава — «Реформа Ареопага и упразднение тимократической конституции Солона» — знакомит с политическим значением этого мероприятия, открывающего путь к дальнейшей демократизации страны. Как указывалось выше, автор считает

<sup>1</sup> В. Г. Васильевский, Взгляд Грота на историю афинской демократии, ЖМНП, 1867, вып. 134, стр. 90.

<sup>2</sup> П. И. Люперсольский, Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла, Киев, 1877, стр. 5.

<sup>3</sup> П. И. Аландский, История Греции, СПб., 1899, стр. 379.

<sup>4</sup> В. В. Латышев, Очерк греческих древностей, ч. I, СПб., 1897, стр. 172.



реформу Ареопага «...поворотным пунктом в политической жизни афинского государства».

В седьмой главе — «Внешняя политика Афин. Отношения с „союзниками“» — особенно интересны и ценны рассуждения автора о роли клерухий в истории афинской демократии. Введением системы клерухий афиняне добивались двух целей. С одной стороны, за счет союзников они обеспечивали землей безземельных крестьян и безработных фетов и избавлялись от ненадежных элементов; с другой — тем самым усиливалось афинское влияние в «союзных» полисах. Однако эта система, наряду с дальнейшим порабощением «союзников», вела к совершенно противоположным результатам — к сужению базы демократии внутри афинского государства. Большая часть (почти одна пятая) демократически настроенных граждан была выслана из Афин на территорию «союзников». Введя систему клерухий, афинская демократия вышла за пределы Аттики; в «союзных» государствах усиливалась демократия и вытеснялась олигархия.

Автор также рассматривает борьбу афинских «союзников» за независимость: восстания Фасоса, Митилены и т. д. (стр. 80—81). Подробное рассмотрение политики афинского государства по отношению к «союзникам» имеет большое значение для определения характера самой афинской демократии.

В восьмой главе — «Речь Перикла об афинской демократии» — выясняется характер демократического управления афинского государства в понимании и оценке вождя этой демократии — Перикла. Анализ речи, произнесенной Периклом в 431 г. на похоронах павших афинян, и приводит М. Алексиевич к выводу, что «ни один древний народ не имел столь демократического строя, как греки в эпоху Перикла» (стр. 83).

Последующие шесть глав посвящены изучению государственного строя Афин. В девятой главе — «Народное собрание» — анализируется состав, порядок ведения и компетенция народного собрания. На фоне огромного материала автор дал четкое описание народного собрания, показав одновременно всю ограниченность афинской демократии, как демократии лишь рабовладельцев.

Десятая глава — «Суд присяжных заседателей (геллея)» — дает ясное представление о характере, составе, структуре и процедуре демократического народного суда. М. Алексиевич отмечает противоречивость свидетельств источников об участии фетов в геллее. «Во всяком случае, — пишет он, — если бы даже феты действительно имели право избираться членами геллея, это право носило бы больше символический, чем реальный, характер» (стр. 105).

11-я глава — «Совет пятисот» — посвящена одному из самых важных органов государственного управления и дает четкое представление о составе буле, о ее компетенции и порядке ведения работы.

Очень важная 12-я глава — «Управление дема» — знакомит нас с низовыми органами государственного управления. В деме народ еще более «...непосредственно чувствовал и ощущал характер государственной власти» (стр. 110).

Согласно территориальному делению во времена Перикла низшей административно-территориальной единицей был дем. В экономическом и политическом отношении дем пользовался большими правами. В пределах дема собрание демотов являлось высшей властью. Это собрание избирало старосту дема — демарха — сроком на один год, двух казначеев — тамиев и местного жреца. Все они избирались прямым голосованием. Перед вступлением в должность они проходили докimasию и давали присягу. После окончания срока службы они представляли собранию демотов отчет о своей работе. В деме же решались важнейшие вопросы о предоставлении гражданских прав 18-летним афинянам. Этот вопрос разбирался на собрании дема, где пять заранее избранных демотов должны были выступить против них. Если обвинители обнаруживали, что претендентам на получение гражданства еще не исполнилось 18 лет, решение вопроса откладывалось. А если обвинители могли доказать, что один из родителей юноши не был афинским гражданином, его продавали в рабство.

Демарх был облечен исполнительной властью. Вместе с тем демарх имел право

действовать независимо от собрания демотов и органов центральной власти и принимать единоличные решения в текущих делах. Собрание демотов было уполномочено отменять незаконное решение демарха. Демы были в достаточной мере независимы и в экономических вопросах.

Глава 13-я — «Магистратура и управление афинской демократии» — знакомит читателя с принципами выборов на государственные должности, разъясняет, как проверялись выдвинутые для выборов лица, как уже выбранные на государственные должности лица подвергались регулярной проверке и контролю. Ссылаясь на различные первоисточники, М. Алексинвили убедительно показывает, что в Афинах «...гражданство означало участие граждан в государственном управлении путем выбора на какую-либо должность»; «...что именно поэтому был необходим... такой грандиозный аппарат государственного управления, создание которого вызывалось не столько нуждами управления, сколько необходимостью обеспечить большую часть афинских граждан должностями» (стр. 118). Вместе с тем автор показывает обратную сторону афинской демократии: «...гнилость ее в том и состояла, что такой самопелый колоссальный аппарат управления был создан на базе эксплуатации рабского труда» (стр. 118). Во времена Перикла из 41 тысяч граждан более 20 тысяч состояло на государственной службе или получало от государства помощь. Такое громадное количество людей, в той или иной форме находившихся на иждивении государства, их отрыв от продуктивного физического труда, являются одной из характерных особенностей афинской рабовладельческой демократии (стр. 126).

В 14-й главе — «Отношение афинской демократии к рабам и метекам атимия» — на огромном материале прослеживается рабовладельческий характер афинской демократии. Рассматривая этот вопрос, автор, наряду с показом рабского труда, отмечает, что последний не исключал существования свободного труда, хотя удельный вес последнего и был очень незначительным (рабский труд применялся в 6—7 раз больше, чем свободный труд). Описывая тяжелое положение рабов, М. Алексинвили показывает, что афинская демократия ничего не давала этому производительному классу, классу рабов, на эксплуатации которых она держалась. «...Афинская демократия была демократией лишь для афинских граждан, рабовладельцев, демократией, направленной против рабов» (стр. 133).

Ограниченностью афинской демократии объясняет автор тяжелое положение метеков, количество которых в конце эпохи Перикла составляло приблизительно 70 тысяч, что почти на 30 тысяч человек превосходило общее количество граждан Афин. Автор указывает, что их интересы иногда совпадали с интересами демократических слоев афинского населения, однако это не меняло их положения. Для метеков получение афинского гражданства было осложнено до невероятности. Зато лишение гражданства и связанных с ним прав (атимия), наоборот, происходило очень легко. Афинский полноправный гражданин из-за любой провинности мог потерять эти права или частично или целиком.

Право гражданства имело существенное значение, ибо в действительности оно означало право на получение доли государственного дохода (стр. 139).

В 15-й главе — «Обострение классовой борьбы между демократией и олигархией в период Пелопоннесской войны» — дан анализ тех экономических и политических противоречий, которые вызвали войну между Афинами и Спартой и еще больше обострили противоречия между демократией и олигархией в самих Афинах. Автор описывает ход этой войны и останавливается особенно подробно на сицилийской экспедиции афинян; он показывает, как война ослабила позиции демократии, усилила афинскую олигархию и как последняя победила демократию (стр. 154). Однако победа олигархов была кратковременной. «Настолько велика была любовь и преданность афинского демоса к своему демократическому государственному управлению, что объединенные силы олигархии Афин и Спарты не смогли в течение длительной (27 лет) войны в конечном счете уничтожить ослабленную афинскую демократию» (стр. 65).

Работа М. Алексинвили представляет собой несомненный вклад в советскую историографию по истории античности; в ней исторически глубоко и последовательно



освещена сложная и актуальная проблема. Политически острый, партийный подход к исследованию проблемы — большая заслуга автора. Автор нашел живую и увлекательную форму изложения.

Однако, несмотря на достоинства, в работе все же имеются некоторые недостатки. Прежде всего следовало обратить более серьезное внимание на русскую историографию. Автор должен был показать читателю более детально как отрицательные, так и положительные стороны дореволюционной русской историографии. Эта задача выполнена далеко не полностью.

Следовало также еще более подчеркнуть отличие буржуазной историографии домонополистического периода от буржуазной историографии времени империализма. Когда буржуазная наука стала еще более реакционной. В частности, следовало дать более острую критику взглядов Пельмана на роль радикальной демократии в Афинах.

Автор рассматривает взгляды Фукидида на афинскую демократию как нечто неизменное. Это не совсем правильно, так как взгляды Фукидида на протяжении последних десятилетий его жизни значительно менялись и поэтому вряд ли можно говорить об его единой концепции.

Несмотря на указанные недостатки, работа в целом представляет значительный научный интерес не только для грузинской общественности, и поэтому был бы весьма желателен перевод ее на русский язык.

Г. Н. Маргуани

*Дж. ПЕНДЛБЕРИ, Археология Крита.* Перевод с английского Я. М. Боровского, общая редакция и предисловие акад. В. В. Струве. Изд-во иностранной литературы, М., 1950, 416 стр. + 93 фото, ц. 22 р. 70 к.

Проблема истории древнейшего Крита в настоящее время является одной из самых значительных и важных в древней истории. Она имеет исключительное значение не только для Средиземноморья и древнейшей Греции, но и для нашей Родины, хотя бы ввиду связей нашего Триполья с эгейской культурой.

Начавшаяся дешифровка критского, как линейного, так и пиктографического, письма уже и теперь проливает некоторый свет на древнее критское общество. Однако до сих пор главным источником по данной проблеме являются археологические памятники. Вот почему знание этих памятников и правильное их использование даже и теперь, при начале дешифровки критской письменности, имеют первостепенное значение. Работа Эванса *The Palace of Minos*, имеющая большое значение для изучения критской культуры, тем не менее не дает обзора новейших исследований и к тому же касается почти исключительно Кносса. Поэтому русский перевод последней работы Дж. Пендлбери является очень нужным и для специалистов, и для учащейся молодежи, и вообще для всех интересующихся древней историей.

Построение книги следующее. В первой главе дается географический обзор Крита. Во второй описана древнейшая критская культура (неолитический и раннеминийский период). В третьей — среднеминийский период, в четвертой — позднеминийский период, в пятой — общий обзор минийской культуры, в шестой — послеминийский Крит (архаический, классический, эллинистический и римский периоды). Таким образом, автор ставит своей задачей дать очерк не только древнейшей (минийской) культуры Крита, но и местной критской культуры на протяжении всей античности.

Такое построение работы нельзя назвать удачным. Минийский Крит — это не только местная история Крита, но важный этап развития всего Средиземноморья, тогда как Крит последующего времени, являвшийся только периферией античного

мира, представляет чисто местный интерес. Поэтому вряд ли целесообразно смешивать одно с другим; и в самом деле, шестая глава рецензируемой книги совершенно не связана со всем предыдущим материалом и фактически является здесь совершенно лишней.

Вполне правильно акад. В. В. Струве в предисловии к книге пишет, что данная работа полезна прежде всего как справочник (стр. 8). Действительно, именно в этом заключается ее главное достоинство. Пендлбери, несомненно, дает очень большой фактический материал в сравнительно легко обозримом виде. Основные комплексы архитектуры, главные типы керамики, статуэтки, металлические изделия и т. д. — все это подробно описано, снабжено фото и рисунками. Это очень полезно для общего обозрения критской культуры.

Основным, на наш взгляд, недостатком книги является ее схематизм, полезный и необходимый в справочнике, но губящий научное исследование. Схематизм и ярко выраженный формализм проходят красной нитью сквозь всю работу. Построение каждой главы, за исключением пятой, где дается общий обзор минойской культуры, составлено по следующей схеме: 1) архитектура, 2) гробницы, 3) керамика, 4) каменные сосуды, 5) изделия из металла, 6) письмо (где оно существует. — *Ю. К.*), 7) печати, 8) ювелирные изделия, 9) внешние сношения, 10) хронология и 11) поселения, в которых были найдены памятники данного периода. Такова схема, которой автор строго придерживается для характеристики каждого периода критской культуры, иногда с очень незначительными отступлениями. Для справочника это вполне приемлемо и удобно, но для научной работы это какое-то Прокрустово ложе, куда насильственно втискивается все многообразие критской культуры. Ввиду такого метода изложения стираются черты своеобразия каждого периода; книга делается нестерпимо скучной даже для специалиста, не говоря уже о массовом читателе. Автор не объясняет, почему придерживается этой схемы; между тем она совершенно непоследовательна даже с точки зрения логической точки зрения. Неясно, почему, например, письмо должно быть поставлено между изделиями из металла и печатями. Пендлбери руководствовался здесь, повидимому, тем, что памятники письменности сохранились в основном на печатях, но было бы гораздо логичнее поставить письмо после печатей. Остается также непонятным, почему внешние сношения причислены к предметам археологии. Если дело идет только о предметах ввоза из других стран, то этот раздел следовало бы так и озаглавить.

Автор работы с педантичной скрупулезностью описывает археологический материал по данной схеме. Дальше этого он не идет и не пытается даже выйти за рамки описания. Ни одного вывода из этого материала он не делает; во всей его книге ясно видно стремление не делать никаких выводов. Все эти приемы, несомненно, являются выражением схематизма и формализма, характерных для буржуазной науки.

Но, несмотря на чисто внешнее описание материала, на стремление воздержаться от выводов, автор невольно показывает и здесь все бессилие буржуазной методологии. Прежде всего в книге очень ярко выражена теория постоянных переселений (миграций). Конечно, нельзя отрицать наличия племенных переселений и все сводить только к чисто местному развитию, не нарушаемому никакими вторжениями. Переселения народов — исторический факт. Однако автор совершенно отрицает существование местных племен и народов на Крите. Так, он, считая совершенно необъяснимым, почему в Кноссе имеются прекрасные остатки древних периодов неолитической культуры, пишет (стр. 51): «Мы должны либо согласиться с тем, что находимые памятники принадлежат исконному населению Крита, — а это невозможно ввиду того, что наиболее ранние слои свидетельствуют уже о наличии некоторого прогресса, — либо, что иммиграция этого населения или его отделение от остальной массы сородичей относится к очень раннему времени» (разрядка моя. — *Ю. К.*). Таким образом, по мнению автора, выходит, что местное исконное население Крита не могло само по себе идти вперед и развиваться.

В разделе о внешних сношениях каждого периода автор обязательно ищет заимствования, особенно из Египта. Малейшее сходство с египетскими вещами он объявляет заимствованием или даже «рабским копированием» (стр. 165). Когда ему это удаст-